Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

И СЕГОДНЯ В СТРОЮ

Мы то встречались, то на какое-то время расставались, то ходили на концерты друг к другу, то выступали вместе на одной сцене. Но всегда, где бы и когда бы не выступал Михаил Муромов, обязательно звучит песня «Яблоки на снегу». В конце 80-х этот мега-хит обеспечил Михаилу Муромову всесоюзную славу и востребованность на ближайшие тридцать с лишним лет.

Геннадий Норд

- У тебя есть варианты этой песни?

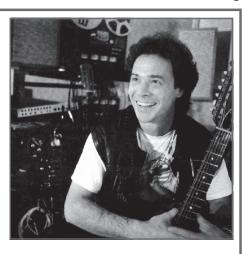
- Конечно. У меня есть 18 вариантов этой песни, в том числе, на татарском языке.
- В 1980-е годы песню «Яблоки на снегу» в телеэфир не пускали 8 раз. Она не нравилась музыкальным редакторам?
- Да, мне говорили: «Да ну, о чем эта
- А как же ты все-таки протащил ее на телеэкраны?
- Я написал песню в 1986-м, но на тот момент ее еще рано было выпускать, так как тогда был период «Modern Talking». И я придержал ее до весны 1987-го. И тогда она начала звучать из каждого угла. А уже осенью я собрал шесть фестивальных дворцов в Сочи на три с половиной тысяч мест.
- Ты родом из дворян и являешься родственником Александра Грибоедова. А по какой линии родство?
- По папиной. У меня даже есть близкие родственники с фамилией Грибоедов.
- Не обижает, что у тебя нет почетных званий «Заслуженный артист» и «Народный артист»?
- Никак не обижает. Как говорят: «Жалко, что он не народный артист, но зато он артист для народа».

- Как получилось, что именно ты перевозил тело Игоря Талькова из Питера в Москву. Вы ведь не были друзьями?
- Случайно получилось. Мне позвонил Андрей Державин и сказал: «Если ты не поможешь, я один не смогу».

Мы поехали в Питер. Приехали во дворец спорта, там нам рассказали, что случилось. Мы поехали в больницу, куда Игоря привезли, вышел дядька с пузом в крови и сказал, что ему Талькова привезли уже неживого. В итоге мы нашли его в криминальном госпитале, в военном морге. Нам сделали цинковый гроб...

- Ты же ещё с похоронами помогал.
- Да. Когда шли на Ваганьковское, поняли, что забыли маму Талькова. Я развернулся, поехал назад, забрал её со служебного входа, проехал через толпу, посадил в автобус. На могиле как начали стихи читать, Джуна ещё водки принесла. Накатили.
- Я много лет дружил с Джуной. И ты тоже. Как вы познакомились?
- Я увидел стихи у Славы Мостового, спрашиваю: «Что это за грузин?»

А он предложил:

- Напиши на эти стихи что-нибудь, и я тебя этим с грузином познакомлю.

Так я и познакомился с Джуной. Я сделал песню «Катюша».

- Предсказывала она тебе чтото?

- Нет, пыталась, но я просил её поберечь себя для людей. Говорили, что она ничего не умела, но я сам видел результаты её работы. Она никого никогда не оставляла, отслеживала больных. Потом она ушла в науку лучше бы собой занималась.
- Твое самое любимое время года? Наверное, зима, ведь популярность пришла именно с «зимней» песней «Яблоки на снегу»?
- Люблю все времена года. Зиму люблю за снег. С летом у меня связана возможность купаться в открытых водоемах. Мне очень нравиться нырять. Погружаюсь на глубину до четырнадцати метров. Причем, без акваланга и других вспомогательных средств. Я недавно понял, что на все времена года у меня есть песни. Но они связаны одним, не проходящим временем любовью.

- Как началась твоя творческая карьера?

- «Бренчать» на гитаре я начал с пятого класса. Хотя играл и на виолончели. В восьмом классе уже организовал школьный ансамбль. В девятом-десятом классах стал выступать с концертами на танцплощадках. Даже платили немного.

Потом пришел в группу «Славяне», где Градского, к сожалению, не застал. Там стал петь и играть на гитаре. И это был период хиппи - длинных волос и рубашек навыпуск. Но я всегда поступал, как велела мама. А она говорила так - вначале образование, а потом уже все остальное. Поэтому и институт закончил, и аспирантуру. Правда, везде продолжал играть и петь в ансамблях.

Когда начал подрабатывать в ресторанах, где пел, кстати, на английском, один знакомый уговорил меня сняться в кино. В итоге в 1982 году я снялся в своем первом фильме «Трест, который лопнул». Но играл все-таки музыканта. Потом были еще фильмы. После попросили спеть с Зарубиной «Птица синее крыло». После этого меня и стали узнавать. Ну, а затем участвовал в «Голубом огоньке».

- Кто-то помогал, поддерживал?

Окончание на с.6

Окончание. Начало на с.5

- Не знаю, можно ли назвать это помощью. Поэт Андрей Дементьев дал мне свой сборник стихов, и я очень быстро написал сразу десять песен.

- Можно ли твою жизнь поделить на периоды «до» и после появления песни «Яблоки на снегу»?

- Да, я сам эти периоды называю «дояблочным» и «послеяблочным». После выхода «яблок» меня пригласили на Песню года. А ведь в те времена такие приглашения были редкостью. Исполнителям приходилось самим добиваться участия, «обивая» пороги кабинетов. Потом позвали и на следующую Песню года. Но уже с «Ариадной», которая тоже стала хитом. Кстати, стихи к этой песне написала твой очень хороший друг Римма Казакова.

- Если сравнивать исполнителей твоего поколения с исполнителями современными, в чем разница?

- Основное - это потеря мелодики. Барабанов много стало из-за востребованности танцевальной музыки. Песен настоящих, лирических, под которые влюбляются, делают предложение - почти нет. Не зря ведь сегодня большинство старых композиций «перепевается». Потому что нельзя найти альтернативы. Сейчас у меня много произведений берут молодые исполнители. Причина этого, думаю, в том, что настоящих композиторов стало мало. Ну, кого сейчас можно сравнить с Тухмановым, который просто бесконечен? Или с Рыбниковым? А сейчас что? Дрынь, дрынь и «два кусочека колбаски»! Современные авторы пишут и поют про любовь, но не о любви. Если спросишь - слушаю ли я кого-то специально, то отвечу, что нет. Только по случаю, переключая каналы телевизора.

- Выпавшую на твою долю славу можно назвать «грузом»?

- Это большая ответственность перед людьми и перед собой. Став известным, ты уже не можешь быть неискренним. Поэтому до сих пор на сцене свою душу распахиваю. И пою так, что у самого иногда слезы наворачиваются.

- Есть друзья «приобретенные» на сцене?

- Жизнь давно свела с Лешей Глызиным и Андреем Державиным. Уже больше тридцати лет общаемся.

- Чем жизнь наполнена вне сцены? Есть ли хобби?

- Все больше домашним хозяйством занимаюсь. Только не вздумай меня старичком описать! Просто сейчас мне жизнь компенсирует то время, что я был лишен возможности бывать дома из-за огромного количества концертов. Моим хобби была моя собака, которая не так давно умерла. Другую пока не завожуне хочу еще раз пережить потерю настоящего товарища.

- У тебя часто просят спеть «Странную женщину».

- «Странную женщину» на стихи Ларисы Рубальской я сделал за одну ночь и с трудом спел, потому что там очень серьезный вокальный диапазон. И не все справляются с этой композицией.

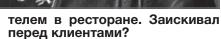

- Ты дружишь с Ларисой Рубальской. Какие качества ценишь в ней, прежде всего?

- Исключительную и глубокую доброту, человечность, внутреннее сияние, искрометный ум, радостное настроение. Даже в самые трудные минуты она всегда умеет себя вести и держать.

В общем, мне с ней хочется общаться. Это уникальный и неповторимый человек.

- В твоей биографии был эпизод, когда ты работал метрдо-

- Я никогда не заискивал. Наоборот, был очень строгим. Мне было тогда 27 лет

- В 27 можно быть строгим?

- У меня работа такая была. Меня все обожали - и воры, и проститутки.

- Помнишь названия ресторанов, в которых работал?

- Сначала «Старый замок» в Павшино, потом «Иверия», «Виктория», в основном это были ночные рестораны, их еще называли запрещенными.

- Почему?

- Вот, например, ресторан «Сосновый бор» был запрещенный. Работать в то время после 12 ночи было нельзя, а он работал для «своих» до 4-5 утра. Кстати, платили тогда тоже по ночным ценам - в несколько раз дороже.

- Ты до этого, кажется, наукой занимался?

- Да, в ресторан я пришёл из аспирантуры. Я просчитал дальнейшее и понял, что в последний год в аспирантуре об меня будут ноги вытирать, а дальше буду получать не больше 150 рублей.

■ - Красивой жизни хотелось?

- Не красивой, а сытой. Кроме того, я ведь ещё родителям помогал, когда работал в ресторане.

- Они знали, что ты там работаешь?

- Для них это было шоком, потому что они у меня оба всю жизнь были научными работниками. Для меня это тоже был трудный шаг.

- Многие музыканты, рассказывая о своей жизни, доходя до определённого момента, говорят: «А потом я стал писать музыку». У тебя как это случилось?

- У меня не всё так просто было. Для того чтобы стартовать и серьёзно заняться музыкой, мне пришлось пойти на понижение класса машины - с «шестерки» на «копейку». Мне пришлось продать свою коллекцию игрушечных автомобилей и любимую железную дорогу. Когда продавал её, плакал. У меня были сразу три железные дороги - японская, немецкая и французская, я их сам состыковывал. Одних паровозиков было 48 штук! Я сам клеил макеты, собирал домики. И в это же время, топая ногой, записывал барабан на магнитофон, а на конфетнице отбивал хайхет: «нц-нц-нц».

- И что, так просто пробивал путь-дорожку на эстраду? У тебя был продюсер, такой, как Юра Айзеншпис?

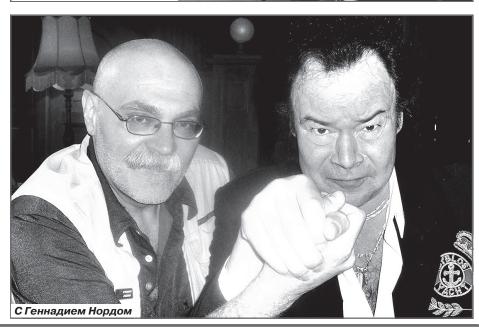
- На него трудно быть похожим. В 1987 году, выйдя из тюрьмы, он увидел на афише мою фамилию и пришёл ко мне.

- Ни с того, ни с сего?

- Почему ни с того, ни с сего? Мы с ним знакомы с 1967 года, фарцевали вместе магнитофонами, пластинками. Шпиц - это у него такая кличка была - ещё ва-

лютой баловался, но я от неё в стороне старался быть.

Вот он и пришёл ко мне на концерт, а потом предложил сотрудничать. Но не сложилось, он подвел меня.

- А как тебя Айзеншпис подвел?

- Мы с ним отработали шесть концертов в Лужниках. Нехорошо про покойного так говорить, но он хотел меня немного кинуть. Это у него не вышло. Мы тихо мирно разошлись.
- Даже тогда для раскрутки были нужны немалые деньги. Откуда они у него были, ведь он только что вышел из тюрьмы?
- Группа «Кино» зарабатывала на концертах. Тем более, у него был старый загашник. Он же 17 лет отсидел. Представляешь, какой у него был загашник!
 - Ты где-то рассказывал, что Андрей Дементьев вырезал твое выступление из телеверсии своего творческого вечера.
- Ему важно было больше свои стихи почитать.

- Не обидно было?

- Уже нет. Дементьев - отдельная тема, я слишком хорошо его знаю.

- Как ты отнесся к свалившейся славе?

- Спокойно. Мне до фонаря было. Когда все совали деньги редакторам, чтобы их пригласили в «Песню года», меня приглашали совершенно бесплатно. «Странная женщина», «Ариадна», «Яблоки» - это были ударные песни. Крутой пригласил в программу «Песни века» и ни копейки не взял с меня.

- A славу всё-таки как переживал?

- А что мне ее переживать было? Работал. Я ведь еще написал музыку к 25 спектаклям и шести фильмам. И еще три балета.

- Они поставлены?

- Да, в каких-то областных театрах. Но сейчас уже не идут, наверное.

- Почему в музыкальной школе ты учился именно в классе виолончели?

- Сначала меня привели учиться на скрипку, но было уже поздно - мне было восемь лет, а на скрипку брали только в шесть. Пришлось идти на виолончель, несколько лет таскал эту бандуру с собой, школа была не близко - в Свердловском районе, а мы тогда жили на Новослободской.

- Но Ростроповича из тебя так и не вышло.

- Нет. Надо одной виолончелью заниматься. А я в бассейне плавал. Мне было

С Ириной Шведовой и Михаилом Михайловым десять лет, когда я получил первый разряд по плаванию. Кстати, потом я был ше-

стым по плаванию в Москве. Володя Буре,

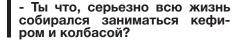
папа Павлика, плавал первым, я шестым.

- Сейчас плаваешь?

- Редко. Как-то с Барыкиным плавали на спор, он меня уговорил. Я ему сказал: «Я мастер спорта, а ты перворазрядник. Поэтому ты плыви в полной координации, а я поплыву на одной руке и без ног». Выиграл где-то полтора метра.

- Ещё ты успел закончить Московский мясо-молочный институт.

- Теперь он называется университет, там семь факультетов.

- Я биохимик. Могу для интереса сказать тему моей диссертации - «Исследование в процессе хранения изменения некоторых биохимических свойств мяса, высушенного в жидких теплоносящих средах в условиях вакуума». Я полгода просидел в патентной библиотеке во время подготовки диссертации.

Моя специальность, в основном, была по древесине. Получилось так, что во Вьетнаме сбили американского летчика, и у него нашли баночку с консервами, в ней было мясо, высушенное в жидких теплоносящих средах. Почему-то решили, что это мясо может храниться долго, а потом уже выяснилось, что оно

было сделано для быстрого приготовления, поскольку было высушено, и к тому же еще было в жире.

Вот я и стал на этом примере делать свою диссертацию. Я сделал прибор для старения мяса, потом приборы для сушки и для определения пористости. Всё нужно было где-то доставать, и я ходил по рынкам, искал насосы, гильзы. Кажется, мои аппараты работают в институте до сих пор.

- Какую колбасу, как специалист, покупаешь?

- Я очень аккуратно покупаю и точно знаю, какое мясо можно купить. Сосискам я не доверяю давно, с тех пор как узнал, что мой сосед по аспирантуре писал диссертацию «Изучение производства колбасы с добавками мяса». Я вообще не ем колбасу, ем только сырое мясо - режу его, обрабатываю уксусом, добавляю разные травки, соли, лимон и - такая вкуснятина получается.

- Так музыкой-то когда успевал заниматься?

- Вообще-то у меня ещё в школе был свой ансамбль. В 9-м классе мы сами колонки делали из трехваттных динамиков, купленных в магазине «Пионер» на улице Горького.

А в нашем институте учился японец, который хотел играть; он привёз из Японии усилители, которых не было в стране. На этих усилителях играла группа «Серебряные яблоки Луны», которая потом стала называться «Сокол». Вот ею и заправлял Айзеншпис, он часто приглашал меня на их концерты по субботам в «Энергетике».

- Помнишь, когда написал первую мелодию?

- Когда в первый раз влюбился, лет 15 мне было. Писал и баллады, и песни про любовь - на свои стихи и на стихи поэтов. За это меня, кстати, и не любили - как это он пишет песни на свои стихи? Считалось, что музыка должна быть члена Союза композиторов на стихи члена Союза писателей.

- Как ощущаешь себя в сегодняшнем дне как автор шлягеров 80-х? Нет ощущения, что ты - человек прошлого?

- Я могу, но не хочу пихаться локтями среди артистов.

- Значит, ощущения, что ты осколок прошлого, нет?

- Нет. Какой осколок? Мне очень уютно сегодня. Я и сегодня в строю.

- Ты, кроме всего, еще и боксом занимался. Неужели бойцовские навыки не пригодились за кулисами?

- Ты можешь себе представить, что такое прийти к главному редактору на телевидение и сказать ему в лицо:

- Если ты мне еще раз будешь ставить палки в колеса, то я снесу тебя с пути.

Разве это не по-бойцовски? У меня было такое. Причем, я уже тогда понимал, что эфир мне перекроют.

